

Российские цивилисты Новейшего времени

Т.Е. Абуров

ИЗБРАННОЕ

УДК 347
ББК 67.404
А 20

РОССИЙСКИЕ ЦИВИЛИСТЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2012 ГОДУ

Ответственный редактор серии П.В. Крашенинников

Составитель и научный редактор тома

П.В. Крашенинников

Авилов Г.Е.

А 20 **Избранное** / Сост. и науч. ред. П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2015. – 156 с. (Серия «Российские цивилисты Новейшего времени».)
ISBN 978-5-8354-1094-1 (в пер.)

Настоящее издание продолжает серию «Российские цивилисты Новейшего времени». Вниманию читателя предлагается тематически систематизированная подборка работ талантливого отечественного цивилиста Гайнана Евгеньевича Авилова (1963–2008), безвременно ушедшего из жизни. Свои незаурядные способности к осмыслению юридического материала, к тонким и точным наблюдениям Г.Е. Авилов блестяще проявил, участвуя в разработке всех четырех частей Гражданского кодекса Российской Федерации, выступая в качестве эксперта и специалиста по гражданскому праву, а также в преподавательской деятельности. Эти качества ученого в полной мере проявились и в публикуемых здесь работах.

Книга предназначена для юристов – ученых и практиков, преподавателей и студентов юридических вузов, а также для всех тех, кто интересуется историей гражданского права современной России.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-1094-1

© Крашенинников П.В., составление, вступ. ст., 2015
© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2015

ГАЙНАН ЕВГЕНЬЕВИЧ АВИЛОВ

Некоторые иностранцы почему-то уверены, что в отличие от них мы, россияне, проживаем не одну, а несколько жизней. Да и сами мы порой говорим: «В прошлой жизни...» Может, это и так, если иметь в виду, что многие из нас жили по крайней мере в двух разных странах – СССР и России, в двух непохожих реальностях.

Но есть люди, которые рождаются как будто для того, чтобы выполнить одну-единственную миссию, а затем уйти. К таким людям я бы отнес моего друга Гайнана Авилова.

Гайнан Евгеньевич – человек, который не имел степеней, не занимал каких-то больших должностей, но настолько был предан гражданскому праву, что пожертвовал цивилистике не только эти самые степени и должности, но и личную жизнь, денежные и иные блага. Все, что любил Гайнан, и любил страстно, – это гражданское и конкурентное право, музыка и хоккей. Этими темами он занимался скрупулезно, профессионально, Их можно было с ним обсуждать бесконечно, а если и то, и другое, то сутками. В политике он разбирался хорошо, но относился к ней скептически. Он считал, что политика ограничивает экономические права граждан, вмешивается в их частную жизнь. Государство должно лишь устанавливать четкие правила «игры», т.е. законы, и неукоснительно обеспечивать их выполнение, часто повторял Гайнан.

Гайнан Евгеньевич родился 19 сентября 1963 г. в Москве. Его татарское имя и русская фамилия стали своего рода компромиссом, гладившим не вполне идиллическое отношение родственников к избранникам Гельсины и Евгения. В ту пору блистал многократный чемпион мира по велогонкам Гайнан Сайдхуджин. В его честь родители, которые сами увлекались велосипедными и лыжными гон-

ками, и назвали маленького Авилова. Возможно, это в какой-то мере определило характер Гайнана – доброжелательный и открытый в общении с окружающими, без тени агрессии, попыток доказать свое превосходство.

По окончании школы Гайнан поступил в МГИМО МИД СССР и впоследствии работал в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В совершенстве владея английским и французским языками, в 1991–1992 гг. он учился в Университете в Гааге, в 1992–1993 гг. участвовал в работе специальной проблемной группы Комиссии Европейских Сообществ в Брюсселе. В 1994 г. Гайнан Евгеньевич поступил на работу в Исследовательский центр частного права. При этом Авилов был членом Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде и экспертного совета при Государственном комитете Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур; арбитром нескольких третейских судов, часто в качестве председателя; также он не один раз привлекался к участию в слушаниях в Конституционном Суде в качестве специалиста. Гайнан Евгеньевич был, наверное, единственным от России независимым членом-корреспондентом Международного института по унификации частного права в Риме.

С Гайнаном я познакомился в 1993 г. Шла подготовка проекта Гражданского кодекса. Он умудрялся работать почти во всех рабочих группах, начиная с проекта первой части и заканчивая подготовкой и принятием четвертой (заключительной) части Кодекса. В силу примерно одинакового возраста и во многом общих взглядов мы общались достаточно часто, слушали и обсуждали «старую» и новую музыку, обменивались дисками, вместе ходили на хоккей в Москве и в Магнитогорске. Он болел за ЦСКА, я – за «Металлург». Гайнан даже дважды побывал на хоккейных матчах в Монреале и очень этим гордился. Но конечно же в основном мы вместе готовили проекты либо заключения в гражданско-правовой или антимонопольной сфере.

Гайнан Евгеньевич, ссылаясь на мировой опыт, считал, что в Гражданском кодексе должно быть не четыре, а пять частей, – пятой частью ГК должно быть семейное право. Он хотел уложить в лоно ГК ныне действующий Семейный кодекс, ну а Жилищный и Земельный, уже полушутя, предлагал сделать шестой и седьмой частями либо «раство-

речь» их внутри Гражданского кодекса. Еще в начале 90-х гг. он жестко настаивал на исчерпывающем перечне некоммерческих организаций именно в ГК, и нигде больше. «В условиях рыночной экономики неопределенность субъектного состава гражданских правоотношений крайне опасна, так как она создает условия для нарушения законных прав и интересов широчайшего круга лиц, включая государство и общество»¹, — писал Авилов в 1998 г.

Гайнан Евгеньевич скрупулезно вычитывал каждую статью проекта и был крайне неуступчив в спорах, всегда приводил опыт многих государств и теоретические выкладки исследователей. Он обладал феноменальной памятью и удивительной работоспособностью. Когда в силу технических неполадок пропала целая глава проекта Гражданского кодекса, посвященная юридическим лицам, именно Гайнан осуществил основную работу по ее восстановлению.

Гайнан внешне был похож на мушкетера: длинные волосы, одно время — небольшая борода. Вот только очки не вполне соответствовали образу галантного искателя приключений. Он часто начинал разговор словами: «Ты знаешь, Павел...» или «Знаете, коллеги...» Чуть-чуть картавил, но на убедительности его речей это не сказывалось, скорее наоборот — все внимательно вслушивались, а затем, кто не был с ним знаком, спрашивали: «А кто это?» Работая в Антимонопольной службе, я, отвечая на этот вопрос, искренне утверждал, что есть два лучших специалиста в антимонопольном законодательстве — это Нина Исаевна Клейн и Гайнан Евгеньевич Авилов. Когда я оказался в Минюсте и Государственной Думе, то говорил, что он — один из авторов ГК. Ну, а среди цивилистов такие вопросы не задавались.

В 90-е годы мы частенько засиживались допоздна в Минюсте, Антимонопольном комитете или Центре частного права. Однажды после таких посиделок мы решили попить чай у меня дома, и пару часов мы слушали музыку и пили чай или что-то еще. Интересно не только то, что мы обсуждали и о чем разговаривали, но то, что Гайнан вместо пакета со своими бумагами забрал сменную обувь моего сына — тогда школьника. Естественно, первая мысль была о том, что сын забыл ее

¹ *Авилов Г.Е.* Хозяйственные товарищества и общества в Гражданском кодексе России // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л.Маковский; Исследовательский центр частного права. М.: МЦФЭР, 1998. С. 177.

в школе, мы провели там безуспешные поиски, и только через неделю Гайнан преподнес мне «подарок».

В Российской школе частного права Авилов преподавал конкурентное право и удивительный предмет, который назывался «французская юридическая терминология». Французским языком, в том числе юридическим, он владел почти безупречно.

Принимая часть четвертую ГК – по существу заканчивая работу над Кодексом, – после парламентских слушаний, заседаний комитетов или пленарных заседаний мы долго обсуждали, что не удалось сделать и что придется делать через несколько лет.

Я прекрасно помню последнее – третье – чтение части четвертой ГК: мы пригласили на заседание Госдумы тех, кто работал над всеми частями ГК и кто из них мог прийти. Вечером мы пошли в ресторан, где очень хорошо пообщались, повспоминали, как всегда поспорили, чья правовая школа лучше, поделились планами.

После этого я с Гайнаном пару раз встречался в Исследовательском центре частного права. Затем он заболел. Все попытки помочь, как с моей стороны, так и со стороны коллег, он отвергал (может быть, плохо предлагали). По телефону я с ним поговорил где-то в середине мая. Оказалось, что в последний раз. Было ясно, что Гайнан сильно страдал и не мог ходить. К сожалению, он много курил, да и от хорошей выпивки никогда не отказывался. Летом 2008 г. сердце Гайнана Евгеньевича Авилова остановилось.

Ноябрь 2014 г.

П.В. Крашенинников

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Юридические лица в современном российском гражданском праве¹

1. Юридические лица наряду с гражданами являются основными участниками гражданско-правовых имущественных отношений. Однако, несмотря на посвященные им многочисленные законодательные акты и даже традиционную для отечественного правопорядка кодификацию общих положений о юридических лицах, а также солидную научную разработку этой проблематики, как сама конструкция юридического лица, так и ее правовой статус до сих пор остаются предметом многочисленных теоретических дискуссий и вызывают ряд серьезных практических проблем.

Дело здесь, думается, не столько в недостатках специальных исследований (хотя в известной мере и это имеет место), сколько в необходимости постоянного развития этого основополагающего гражданско-правового института, его приспособления к быстро меняющимся потребностям развивающегося современного имущественного оборота. В отечественных условиях ситуация осложняется еще и тем, что кардинальная ломка прежнего правопорядка делает необходимым принципиальное изменение многих стереотипов, сложившихся в общественном правосознании, включая и правосознание специалистов.

При этом необходимо избежать двух очевидных, но весьма опасных крайностей. С одной стороны, это полное отрицание любого предшествующего опыта (одним из проявлений которого служат ши-

¹ В соавторстве с Е.А. Сухановым. Источник публикации: Вестник гражданского права. 2006. № 1. — *Примеч. ред.*

роко распространившиеся попытки прямой рецепции в отечественный правовой порядок различных юридических конструкций, в том числе из явно чуждых ему правовых систем) и разработка собственных, «принципиально новых» подходов и понятий¹. С другой стороны, это попытки консервации заведомо отживших представлений, не соответствующих реалиям современного товарного хозяйства². Обе эти линии, «наслаиваясь» на крайне противоречивое и бессистемное развитие отечественного законодательства о юридических лицах, последовавшее вслед за принятием первой части нового Гражданского кодекса РФ, еще более усугубляют положение, во многом запутывая попытки его объективного анализа.

В связи с этим при разработке и обосновании путей систематизации и упорядочения законодательства о юридических лицах необходимо определить некоторые основополагающие, исходные моменты. Прежде всего следует вновь подчеркнуть, что конструкция юридического лица рождена потребностями имущественного (гражданского) оборота и представляет собой не межотраслевую, а гражданско-правовую категорию. Ее очевидное и в целом общепризнанное назначение состоит в уменьшении для учредителей (участников) юридического лица риска имущественных потерь путем переложения возможной ответственности за результаты своей деятельности на созданный ими новый субъект права — юридическое лицо. В свою очередь это влечет для последнего необходимость иметь в собственности известное имущество, способное удовлетворить требования его потенциальных кредиторов (и предназначенное прежде всего именно для этой цели)³. То обстоя-

¹ См., например: *Грешников И.П.* Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. СПб., 2002; *Слугин А.А.* Гражданская правосубъектность юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

² См., например: *Толстой Ю.К.* К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права: Сб. статей. М., 2000.

³ Признание главенствующей роли в конструкции юридического лица за принадлежащим ему имуществом, а не за его «людским субстратом» превращает данную конструкцию в юридическую фикцию ничуть не в большей мере, чем переход от наличных к безналичным денежным расчетам или появление в гражданском обороте «бездокументарных ценных бумаг». Ведь, с точки зрения политэконома, имущественное право требования (каковым в действительности являются «безналичные деньги» и «бездокументарные ценные бумаги») как товар и самостоятельный объект сделок тоже является чисто юридической фикцией. С другой стороны, «теория коллектива», ставящая во главу угла «людской субстрат» юридического лица, в современных условиях привела лишь

тельство, что данный подход оказался пригодным и для оформления имущественной базы различных видов социально-культурной деятельности путем создания соответствующих (некоммерческих) юридических лиц, ничего не меняет в их принципиальной модели: и здесь юридическая личность организации служит оформлению ее участия в имущественном обороте, возлагая именно на нее, а не на ее участников (учредителей) риск несения возможной имущественной ответственности и соответствующих имущественных потерь¹.

Поэтому очевидно, что статус юридического лица дает какой-либо организации лишь возможность самостоятельного участия в гражданско-правовых имущественных отношениях, но никак не предопределяет ее положения в других (публично-правовых) отношениях, где даже отсутствие такого статуса само по себе никоим образом не влияет на публично-правовое положение соответствующей организации и выполнение ею своих публично-правовых функций (например, Правительство РФ или Федеральное Собрание РФ, как известно, не являются юридическими лицами). Именно поэтому законодательство допускает существование общественных объединений без прав юридического лица (ч. 4 ст. 3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»), ибо для достижения стоящих перед ними целей им далеко не всегда требуется участие в имущественном обороте, в свою очередь предполагающее обязательное обособление определенного имущества.

Использование же категории юридического лица в публично-правовом, например налоговом или таможенном, законодательстве свиде-

к созданию конструкции акционерного общества работников (народного предприятия), абсурдность которой не вызывает сомнения практически ни у кого из серьезных исследователей. Следует также иметь в виду, что в огосударственной экономике советского периода необходимость юридических лиц (государственных предприятий) определялась не потребностями тогдашнего планового оборота (прекрасно обходившегося без них почти 40 лет), а невозможностью иным путем обеспечить эффективное использование громадной по объему «единой» государственной собственности. Это и привело к известному искажению (в теории и законодательстве) классической сущности данной юридической конструкции как «персонифицированного имущества».

¹ Не случайно в классических правопорядках не имеющие членства («людского субстрата») фонды и «учреждения публичного права» рассматриваются как самостоятельные формы обособления имущества, как «целевое имущество» (см., например: *Klunziger E. Grundzuge des Gesellschaftsrechts*. 10. Aufl. München, 1997. S. 1–2; *Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB: Ein Lehrbuch*. 3. Aufl. Heidelberg, 1988. S. 402).

тельствует не о межотраслевом (или общеправовом) характере данной категории, а о том, что само существование названного законодательства предопределено наличием гражданского оборота, т.е. о неизбежной «вторичности» налогового и таможенного законодательства по отношению к гражданскому законодательству, поскольку содержание и условия экономического оборота в рыночном хозяйстве определяет именно это последнее¹.

Сказанным предопределяется и ответ на вопрос о том, почему развитие законодательства о юридических лицах должно определяться в общих рамках совершенствования гражданского законодательства и его основополагающего акта — Гражданского кодекса. Вопрос же о том, в какой мере нормы этого законодательства объединяются в новый для нашего правового порядка правовой институт (точнее — подотрасль) гражданского права — корпоративное право, носит главным образом теоретико-познавательный характер. Речь идет о том, в какой мере можно ставить знак равенства между понятиями «корпоративное право» и «право юридических лиц».

подавляющее большинство известных организационно-правовых форм (видов) юридических лиц, включая и некоммерческие организации, представляют собой корпорации. Но, разумеется, фонды, а также унитарные предприятия и учреждения никак не могут быть отнесены к корпорациям — юридическим лицам, построенным на началах членства, что препятствует включению положений об их правовом статусе в корпоративное право. Вместе с тем надо признать и известную условность последнего понятия. Так, многие классические объединения капиталов в ходе экономического и законодательного развития постепенно преобразовались в «компании одного лица», которые, по существу, лишь используют «корпоративную оболочку»².

¹ См.: *Маковский А.Л.* Надо ли вносить изменения в Гражданский кодекс? Маленькая иллюстрация к большим вопросам // *Право и экономика.* 1998. № 1. С. 27. Конечно, публично-правовое законодательство в свою очередь тоже оказывает известное влияние на гражданское (частное) право. Так, в развитых правовых системах выбор организационно-правовой формы юридического лица нередко в решающей степени определяется налоговыми соображениями. Однако пределы этого влияния объективно ограничены: публично-правовое не в состоянии произвольно перестроить имущественный оборот под публично-правовые (прежде всего фискальные) потребности, несмотря на то, что часто стремится к этому.

² Если первоначально лишь разрешалось сохранять компании, из которых по разным причинам без замены выбыло подавляющее большинство их участников (членов),

С этой точки зрения можно сказать, что рассмотрение в рамках корпоративного права статуса фондов (а в отечественных условиях – и статуса унитарных предприятий и учреждений-несобственников, являющихся наследием прежнего правопорядка, от которого пока по разным причинам нельзя отказаться) принципиально не меняет общего положения. Конечно, строго говоря, при таком подходе следовало бы вести речь о праве юридических лиц. Но тогда с не меньшим успехом можно было бы обосновывать и обособление права физических лиц (с возможным включением в него еще и семейного права), что в конечном счете могло бы привести к распаду единой Общей части гражданского права. Думается поэтому, что такого рода построения и классификации носят в основном умозрительный характер и едва ли вызываются какими-либо реальными потребностями.

Более того, как показывает опыт законодательного развития, в том числе зарубежного (европейского), корпоративное право, даже имея свою Общую часть, само по себе не нуждается в специальном законодательном обособлении (прежде всего в Гражданском кодексе) подобно вещному или обязательственному праву, ибо по сути представляет собой определенную детализацию права лиц (*Personenrecht*), в свою очередь являющегося институтом (составной частью) Общей части гражданского права. Термин же «корпоративное право» является в достаточной мере условным, отражая лишь тот факт, что подавляющее большинство юридических лиц относится к числу корпораций.

2. Изложенное выше предопределяет и некоторые основополагающие законодательные подходы к установлению статуса юридического лица. Таковы прежде всего императивно определенные требования к наличию у него определенного имущества, принадлежащего ему на праве собственности (уставного или иного аналогичного капитала). Очевидно, что субъект права, не являющийся собственником, не дол-

то затем стало возможным и изначальное создание таких компаний. В результате, например, в Германии «компании одного лица» сейчас составляют до 45% всех обществ с ограниченной ответственностью, а вместе с «семейными обществами» (контролируемыми супругами) и обществами, фактически контролируемыми одним лицом, они составляют более 80% всех таких обществ (*Altmeppen H., Roth G.H. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbH). 4. Aufl. München, 2003. S. 3*), при том что именно общества с ограниченной ответственностью являются здесь преобладающими участниками предпринимательских отношений.

жен быть и участником имущественного (гражданского) оборота, основанного на товарно-денежном обмене между частными собственниками-товаровладельцами¹.

Данное обстоятельство оправдывает и соответствующее положение легального определения юридического лица, содержащегося в п. 1 ст. 48 ГК и подвергаемого систематической критике². Действительно, возможно существование юридических лиц, все имущество которых заключается в правах требования и (или) пользования (безналичных денежных средствах на банковских счетах, арендованных помещениях и т.д.). Однако по сути это лишь означает, что их имущественное положение (и соответственно – интересы их потенциальных кредиторов) целиком зависит от надежности их контрагентов по соответствующим договорным обязательствам. Едва ли такое положение следует закреплять в законе в качестве общего правила (в качестве исключения оно может быть оправдано широкой трактовкой термина «имущество», включающего в себя не только физически осязаемые вещи).

Тем более невозможно согласиться с оправданием ситуации, при которой некоторые юридические лица, например «некоммерческие организации, на другой день после создания» в течение какого-то периода времени вообще не имеют никакого имущества³. Такие «пустышки» в любом случае опасны для оборота и потому недопустимы в качестве участников нормальных гражданских правоотношений.

¹ Участие в отечественном обороте субъектов прав хозяйственного ведения и оперативного управления, искусственно созданных для нужд огосударственной плановой экономики (и по весьма небесспорной традиции относимых к вещным правам), доказывает лишь его переходный характер. Примечательно также, что в условиях современного имущественного оборота существование этих субъектов порождает все более очевидные экономико-правовые проблемы. Так, резко усеченная действующим законодательством (особенно бюджетным) «делкоспособность» унитарных предприятий и бюджетных учреждений, а также постоянно возрастающие ограничения их ответственности (а для последних – еще и ответственности их учредителей) по долгам делают их крайне ненадежными контрагентами. В свою очередь это положение вновь свидетельствует о чужеродности данных организационно-правовых форм нормальным рыночным отношениям.

² См. особенно: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садиков. 3-е изд. М., 2005. С. 149 (автор соответствующего комментария – В.А. Рахмилович).

³ Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд. Т. 1. М., 2002. С. 144 (автор соответствующей главы – И.В. Елисеев).

С этих позиций следует оценивать и постоянные предложения об отказе от концепции уставного капитала применительно к акционерным обществам, которые идут со времени подготовки специального закона, регулирующего их правовой статус¹. Выдвигаемые при этом ссылки на незначительный размер такого капитала, закрепленный законодательством, легко парируются предложением о его достаточно серьезном увеличении (ибо акционерная форма в принципе не рассчитана на ведение мелкого и даже среднего бизнеса, хотя бы и в виде закрытых АО, так как это противоречит самому существованию данной организационно-правовой формы).

Иное дело, что реальной гарантией интересов кредиторов общества служит не сам по себе уставный капитал, а имеющиеся у общества чистые активы, о необходимом размере и порядке определения которых действительно стоит подумать. Но полный отказ от требований о наличии у акционерных обществ определенного законом минимального имущества в отечественных условиях не только полностью разойдется с сущностью данной организационно-правовой формы как объединения капиталов, но и, безусловно, вызовет к жизни очередную волну акционерных афер (вроде возникших недавно попыток узаконить договоры займа акций, которые позволяют, не вкладывая в имущество общества ни копейки собственных средств (капиталов), получать полный контроль над его деятельностью, по сути осуществляя его «корпоративный захват»).

Классические подходы к существованию юридического лица предопределяют и необходимость сохранения четкого законодательного разделения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации (ст. 50 ГК). Ведение предпринимательской деятельности под маской некоммерческой организации также заведомо искажает существо и назначение соответствующей организационно-правовой формы.

¹ Как известно, действующий Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» готовился по американским образцам, действительно не требующим наличия у такого общества определенного уставного капитала. Однако ему пришлось воспринять и ряд общих норм ГК, в результате чего данный Закон стал крайне неудачным «гибридом» американских и германских подходов. С учетом российских реалий это обуславливает необходимость внесения в него постоянных изменений и дополнений.

В принципе это положение верно и для тех случаев, когда такая деятельность допускается законом и учредительными документами соответствующей организации якобы лишь в ограниченных масштабах, в качестве вспомогательного вида деятельности. Это особенно ясно видно на примере государственных и муниципальных учреждений, подавляющее большинство которых не финансируются публичными собственниками (их учредителями) в необходимом объеме. С одной стороны, для учреждений практически невозможно поставить четкие границы между основной (некоммерческой) деятельностью и деятельностью, приносящей доходы (т.е. предпринимательской). В результате этого немалое их число уже давно в основном живет за счет таких доходов, а не за счет бюджетного финансирования, формально оставаясь государственными или муниципальными бюджетными организациями¹. Ясно, что эта ситуация неизбежно создает и почву для соответствующих злоупотреблений.

С другой стороны, данное положение поощряется их учредителями, ибо бюджетное законодательство дает им возможность покрывать даже те расходы учреждений, которые подлежат бюджетному финансированию, за счет самостоятельно заработанных учреждениями доходов и таким образом экономить бюджетные средства (ср. абз. 2 п. 4 ст. 41, п. 3 и абз. 2 п. 9 ст. 161, абз. 2 п. 1 ст. 232, п. 4 и 6 ст. 254 Бюджетного кодекса)². В результате консервируется традиционная для отечественного правопорядка ситуация: публичный собственник выпускает в оборот юридические лица, оставаясь собственником их имущества и управляя их деятельностью, но практически не отвечая за ее результаты. Вопрос о том, в какой мере существование таких некоммерческих организаций соответствует потребностям нормального имущественного оборота, становится при этом сугубо риторическим.

Что же касается благотворительных, религиозных и иных общественных организаций, нуждающихся в соответствующей имущественной базе, то она должна формироваться либо за счет добровольных

¹ Этим оправдывается и появление законопроекта «Об автономных учреждениях», по существу призванного узаконить статус таких организаций.

² Это положение поддерживается и арбитражно-судебной практикой (см. п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации». – Вестник ВАС РФ. 2006. № 8).

взносов и пожертвований их участников (учредителей), либо за счет деятельности созданных этими организациями в качестве учредителей коммерческих юридических лиц – хозяйственных обществ и (или) товариществ. Тогда эти последние в роли обычных предпринимателей становятся нормальными участниками имущественных отношений, а их учредители получают возможность полностью сосредоточиться на своей основной деятельности, ради которой они, собственно говоря, и были созданы. В качестве юридических лиц такие организации должны заниматься исключительно текущей хозяйственной деятельностью (ремонт и (или) аренда помещений, обслуживание транспорта и иного необходимого оборудования, выпуск соответствующей печатной продукции и т.п.), которая при таком подходе действительно будет носить сугубо вспомогательный характер.

Совершенно недопустимым представляется законодательное смешение функций коммерческих и некоммерческих организаций, ведущее к размыванию этого основополагающего деления юридических лиц. Оно, например, имеет место в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», который в п. 2 ст. 11 допускает функционирование фондовых бирж в форме либо некоммерческих партнерств, либо акционерных обществ и тем самым, по сути, уравнивает некоммерческие и коммерческие организации в качестве участников рынка¹.

3. Один из центральных вопросов – совершенствование правового статуса хозяйственных, прежде всего акционерных, обществ². Сколько бы изменений ни вносили в действующий акционерный Закон (Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), он все равно будет обнаруживать все большее количест-

¹ Это положение можно расценить и как косвенное признание коммерческой природы «некоммерческого партнерства», что также говорит о недостатках систематизации некоммерческих юридических лиц.

² Что касается статуса обществ с ограниченной ответственностью, то его недостатки давно стали очевидными и, по сути, общепризнанными: неограниченное право участника на свободный выход из общества (влекущее изъятие соответствующей части его чистых активов); наличие двух учредительных документов, различия в содержании которых порождают неоправданные споры (и даже попытки объявления этих обществ договорными, а не уставными объединениями) и т.п. Они также обусловлены известными отступлениями законодателя от классической (германской) модели, а отказ от них в уже находящемся на рассмотрении Государственной Думы РФ законопроекте не вызывает каких-либо возражений по существу.